

В связи с выявившимися расхождениями между компартией Китая и компартиями других стран и предстоящим обсуждением этих вопросов, считаю необходимым разослать членам Президиума и кандидатам в члены Президиума ЦК в целях ознакомления тексты сообщений, переданных мною в январе - феврале 1949 г. во время поездки в Китай, а также указания ЦК, посылавшихся мне в тот же период.

Сообщения эти передавались шифром из Сибейпо, где тогда находились революционный комитет и ЦК Компартии Китая и приводятся без каких-либо изменений или дополнений, в точной копии. При Мао Цзе-дуна были тогда два советских армейских врача - Терехин /погиб впоследствии при аварии самолёта в Советском Союзе/ и Мельников, лечащие Мао Цзе-дуна и его семью. Они имели радиостанцию и выполняли функции связи.

Считаю также необходимым коснуться некоторых обстоятельств, относящихся к моей поездке и хода переговоров.

В 1947-1948 годах происходил обмен мнениями между нашим ЦК и Мао Цзе-дуном о его приезде в Москву. В Москве он ни разу не был и приглашение с нашей стороны было ему передано еще в июне 1947 года, выражалась готовность принять его для обсуждения вопросов китайской революции, проблем, которые встанут перед КПК после военной победы, в том числе и советско-китайских вопросов.

Однако сроки поездки неоднократно оттягивались из-за трудностей в средствах сообщения в связи с удаленностью мест пребывания Мао Цзе-дуна, из-за его болезни, осложнений в боевых действиях китайской революционной армии и по другим причинам.

К концу 1948 года боевые действия китайских коммунистов развивались быстрыми темпами и в благоприятном направлении. В северном Китае шли решительные бои. Китайская революционная армия, получившая оружие японской квантунской семи сотысячной армии, которое было нами полностью передано Китаю, двигалась к центру Китая в направлении Пекина.

14 января 1949 года на заседании Политбюро ЦК при обсуждении

ответа Мао Цзе-дуну на запрос о времени его приезда Сталин высказал соображение о том, что приезд Мао Цзе-дуна в данное время вряд ли целесообразен. Он находился в то время в роли партизанского руководителя и хотя намечался его приезд инкогнито, но скрыть поездку было невозможно, сведения об его отъезде из Китая наверняка бы просочились. Поездка его, без сомнения, была бы истолкована на Западе как посещение Москвы для получения инструкций от компартии Советского Союза, а сам он назван московским агентом. Это нанесло бы ущерб престижу КПК и было бы разыграно империалистами и кликой Чан Кай-ши против китайских коммунистов.

Между тем, вскоре могло быть образовано официальное революционное правительство Китая, которое мог возглавить Мао Цзе-дун. Тогда он получал уже возможность поездки не инкогнито, а официально в качестве главы правительства Китая и в целях переговоров с соседним государством. Это, наоборот, повысило бы престиж и авторитет китайского революционного правительства и приобрело бы большое международное значение.

Хотя такая отсрочка поездки Мао Цзе-дуна в СССР оттягивала обсуждение назревших вопросов, но эту отрицательную сторону можно было устранить командированием в Китай одного из членов Политбюро нашего ЦК.

В то время все было уже подготовлено к приезду Мао Цзе-дуна. Политбюро, обсудив этот вопрос, одобрило предложения Сталина, и он тут же продиктовал телеграмму Мао Цзе-дуну, в которой говорилось:

"Мы уже не настаиваем, чтобы Вы отложили временно Вашу поездку в Москву, так как Ваше пребывание в Китае очень необходимо в настоящее время. Если хотите, мы можем немедленно послать к Вам ответственного члена Политбюро в Харбин или в другое место для переговоров по интересующим нас вопросам".

Мао Цзе-дун сообщил на это, что он решил временно отложить поездку в Москву и что они приветствуют направление члена Политбюро в Китай, высказав одновременно пожелание, чтобы его приезд состоялся в конце января или начале февраля и не в Харбин, а к месту их нахождения.

Сталин предложил поехать в Китай мне, ~~_____~~

лучше подготовленным, исключить лишние запросы Москвы, и набросал список возможных вопросов, которые китайцы могут поставить перед нами, обдумал возможные ответы и обдумал их со Сталиным и другими членами Политбюро.

К этому времени выяснились два вопроса, которые были дискуссионными и в которых проявился различный подход — нашего ЦК и ЦК КПК.

I. О несогласии нашего ЦК с точкой зрения КПК, считавшей, что после победы китайской революции все партии, кроме КПК, должны уйти с политической арены. В телеграмме Мао Цзэ-дуня от 30 ноября 1947 года говорилось: "В период окончательной победы китайской революции, по примеру СССР и Йославии, все политические партии, кроме КПК, должны будут уйти с политической арены, что значительно укрепит китайскую революцию".

В ответной телеграмме нашего ЦК, подписанной Сталиным 20 апреля 1948 года по этому поводу в частности было сказано: "Мы с этим не согласны. Думаем, что различные оппозиционные политические партии в Китае, представляющие средние слои китайского населения и стоящие против гоминдановской клики, будут еще долго жить и китайская партия вынуждена будет привлечь их к сотрудничеству против китайской реакции и империалистических держав, сохранив за собой гегемонию, то есть руководящее положение. Возможно, что некоторых представителей этих партий придется ввести в китайское народно-демократическое правительство, а само правительство объявить коалиционным, чтобы тем самым расширить базу этого правительства в населении и изолировать империалистов и их гоминдановскую агентуру".

Как известно, в связи с этим советом КПК изменила свою политику в отношении буржуазных партий.

II. Об отношении к предложению нанкинского правительства Советскому правительству принять на себя посредничество между нанкинским правительством и КПК о прекращении войны и заключении мира.

3 января 1949 года была получена нота нанкинского правительства, которое предложило правительству СССР /а также правительствам Франции Англии и США/ принять на себя посредничество между нанкинским правительством и КПК о прекращении войны и заключении мира.

В телеграмме Мао Цзе-дуну наш ЦК сообщил:

"Мы думаем ответить таким образом: Советское правительство всегда стояло и продолжает стоять за прекращение войны и установление мира в Китае, но раньше, чем дать свое согласие на посредничество, оно хотело бы знать, согласна ли другая сторона — китайская компартия, принять посредничество СССР. Ввиду этого СССР хотел бы, чтобы другая сторона — китайская компартия, была осведомлена о широкой акции китайского правительства и было бы заключено согласие другой стороны на посредничество СССР. Мы думаем так ответить и просим сообщить, согласны ли Вы на это. Если не согласны, пожалуйста нам более целесообразный ответ."

Мы думаем также, что Ваш ответ, если Вас за просят, должен быть примерно таким: китайская компартия всегда высказывалась за мир в Китае, ибо гражданскую войну в Китае начала не она, а националистическое правительство, которое и должно нести ответственность за последствия войны. Китайская компартия стоит за переговоры с Гоминданом, однако без участия тех военных преступников, которые развязали гражданскую войну в Китае. Китайская компартия стоит за непосредственные переговоры с Гоминданом без каких либо иностранных посредников".

К этой телеграмме от 10 января Сталиным 11 января 1949 года было сделано разъясняющее дополнение:

"Как видно из сказанного выше, наш проект Вашего ответа на предложение Гоминдана рассчитан на срыв мирных переговоров. Ясно, что Гоминдан не пойдет на мирные переговоры без посредничества иностранных держав, особенно без посредничества США. Ясно также, что Гоминдан не захочет вести переговоры без участия Чан Кай-ши и других военных преступников. Мы рассчитываем поэтому, что Гоминдан откажется от мирных переговоров при тех условиях, которые выставляет ЦКК. В результате получится, что ЦКК согласна на мирные переговоры, ввиду чего её нельзя обвинять в желании продолжать гражданскую войну. При этом Гоминдан окажется виновником

ормы мирных переговоров. Нанкинцев и США будет сорван и Вы можете продолжать победоносную освободительную войну. «дем ответа».

12 января Мао Цзе-дун послал ответ, в котором говорилось, что правительству СССР на ноту нанкинского правительства следовало бы ответить следующим образом: " Правительство СССР всегда желало, а также желает видеть мирный, демократический и единый Китай. Однако каким путем достичь мира, демократии и единства Китая - это собственное дело народа Китая. Правительство СССР, основываясь на принципе невмешательства во внутренние дела других стран, считает неприемлемым участие в посредничестве между обеими сторонами в гражданской войне в Китае ...

... Только СССР имеет крайне высокий авторитет среди народа Китая, поэтому, если СССР в ответе на ноту нанкинского правительства примет такую позицию, как было изложено в Вашей телеграмме от 10.1., то это приведет к тому, что США, Англия и Франция могут считать, что участие в посредничестве является должным и приведет к тому, что Гоминдан получит повод для оскорбления нас как воинственно настроенных элементов. А широкие народные массы, которые недолюбливают Гоминдана и питают свои надежды на скорую победу НОА, будут в отчаянии...

... сейчас мы склонны к тому, чтобы со всей правотой отклонить мирный обмен Гоминдана, так как сейчас, исходя из того, что соотношение классовых сил в Китае уже имеет коренное изменение и международная общественность тоже не в пользу нанкинского правительства, а НОА летом этого года уже может перейти реку Янцзы и наступить на Нанкин .

Как будто нам не потребуется предпринимать еще раз обходной политической маневр . В настоящей обстановке , от проведения еще раз такого обходного маневра, больше вреда, чем пользы".

На это последовала подписанная Сталиным телеграмма Мао Цзе-дуну от 14 января, в которой, в частности, говорилось:

"Как можно ответить на такой маневр нанкинцев и США . Возможны два ответа. Первый ответ: прямо и открыто отклонить мирные предложения нанкинцев и тем самым провозгласить необходимость продолжения гражданской войны. Но что это будет означать ? Это

ответе в духе Гоминдановцев. Это значит, во вторых, что вы помогаете своим врагам в Китае и вне Китая третировать коммунистов, как сторонников продолжения гражданской войны, и хвалить Гоминдан, как защитника мира. Это значит, в третьих, что вы даете возможность США обработать общественное мнение Европы и Америки в том направлении, что с коммунистической точки зрения мир невозможен, так как она не хочет мира, что единственное средство победить мир в Китае - организовать вооруженную интервенцию держав, вроде той интервенции, которая проводилась в России в течение четырех лет с 1918 года по 1921 год".

Далее говорилось о втором, тихом варианте ответа в духе уже упомянутых в первой телеграмме советских предложений. В тот же день, 14 января, Мао Цзе-дун, сославшись на получение приведенного выше предложения от 11 января, ответил в своей телеграмме, что "в основном курсе /срочных мирных переговоров с Гоминданом, продолжение революционной войны до конца /мы с Вами совершенно едины," а также сообщил, что они в этот день опубликовали 8 условий на которых согласны вести мирные переговоры с Гоминданом. В связи с этим Мао Цзе-дуну было известно, что из его последней телеграммы "видно, что между нами установилась единство взглядов по вопросу о мирном предложении коммунистов и что коммунисты Китая уже начали "мирную" кампанию. Значит вопрос надо считать закрытым".

X
X X

В Китай я направился под фамилией Андреев и так и подлинными телеграммами, адресован не вымышленной фамилии фамилиера. Сами же это было незначительное событие на случай, если бы из Китая просочилась информация о моем пребывании там.

Вылетел я в Китай 26 января, прибыл туда 30 января и пробыл до 6 февраля 1949 года. Со мной вместе был в Китае бывший сотрудник путей сообщения Ковалев, именвавшийся тогда в качестве нашего представителя при НК КПК и переводчик, работник аппарата НК то-же по фамилии Ковалев.

Из Порт-Артура вылетели рано утром до рассвета и к рассвету прибыли на б. японский военный аэродром около Шичанькуан. Встречали главным Чжу Дэ, член политбюро Кень Би-ши и переводчик Ши Цзе. Отсюда на трофейном дожде ехали километров 160-170 к местонахождению ЦК партии и ревкома - Сибейпо, расположенному в горном ущелье.

Первые два дня Мао Цзе-дун вводил в курс истории китайской революции и имевшей место фракционной борьбы внутри китайской компартии. Позже, при следующих встречах, он также возвращался к этим вопросам истории КПК, много говорил, как тяжело ему было бороться против левого и правого уклонов, как партия была разбита и армия была разгромлена из-за деятельности Ван Мина, которого поддерживал Коминтерн, как потом удалось исправить ошибки, как фракционеры уничтожали кадры китайских коммунистов и что он сам едва жив остался, его арестовывали, исключали из партии, хотели уничтожить. Но с того времени, как Ван Мин и Ли Ли-сян удалось разоблачить, Мао Цзе-дун, по его словам, работает хорошо со своими товарищами, положил конец уничтожению партийных кадров. Он был и остается сторонником проявления терпимости внутри партии, считает, что не надо выводить из ЦК за разногласия, не надо преследовать.

Вот Ван Мин, говорил Мао Цзе-дун, сыграл плохую роль, но мы его оставили в ЦК, он находится в расположении ЦК, хотя никакой работы фактически не ведет. Он очень подробно говорил об ошибках Ван Мина, видимо хотел проверить, как мы к нему относимся и нет ли у нас попыток на него опреться или слушать его советы. Мне было известно о разногласиях между Мао Цзе-дуном и Ван Мином и я не поддерживал разговоров о нем. Еще в Москве условились, что с Ван Мином я встречаться не буду, на беседах же у Мао Цзе-дуна он ни разу не присутствовал и не пытался встретиться со мной.

Заслушивает внимания некоторые вопросы, обсужденные с Мао Цзе-дуном и другими членами Политбюро КПК:

1. На мой вопрос, когда думает Мао Цзе-дун завершить захват основных промышленных центров Ютая-Нанкин, Шанхай и др., он сказал, что с этим не торопится. Он говорил, например, что "потребуется еще 1-2 года для того, чтобы мы были в состоянии целиком политически и экономически овладеть Китаем". Давал понять, что до этого война кончиться не может.

При этом он высказал и такую мысль, что они избегают брать крупные города, а старается захватить сельские районы. Например, не хотят брать Шанхай. Шанхай — мол, крупный город, а у китайской компартии нет кадров. Компартия в основном состоит из крестьян, в Шанхае коммунистическая организация слаба. Наконец, Шанхай живет за счёт привозного сырья и топлива. И если они возьмут Шанхай, то привоза топлива не будет, промышленность остановится, разрастется безработица, все это ухудшит положение населения. КПК должна подготовить кадры, к чему уже приступили, и в свое время, когда кадры будут готовы, они займут Шанхай и Нанкин.

Руководствуясь позицией нашего ЦК, выработанной еще до моего отъезда из Москвы, я оспаривал это, доказывал, что чем скорее они займут большие города, тем лучше, кадры вырастут в ходе борьбы. Рано или поздно, вопрос о продовольствии и сырье для Шанхая все равно возникнет. Зато занятие Шанхая серьезно ослабит Чан Кай-ши, даст пролетарскую основу коммунистам.

П. Мао Цзе-дун не придавал необходимого значения пролетарской прослойке в составе компартии и внимание КПК к городу и рабочему классу было слабее, чем к крестьянству. Эта позиция коренилась в старом времени, когда компартия и армия действовали в горах, далеко от рабочих центров. Времена изменились, а отношение к рабочим осталось прежним.

Из записей бесед видно, например, что Мао Цзе-дун "с удовольствием подчеркнул, что компартия пользуется безраздельным влиянием в деревне, там у неё нет конкурентов. В этом коммунистам помог Чан-Кай-ши своей политикой в отношении крестьянства. Другое дело в городах. Здесь, если среди студенчества компартия пользуется сильным влиянием, то в рабочем классе Гоминдан сильнее компартии. Например, в Шанхае после победы над Японией, когда компартия работала легально, её влияние распространялось примерно на 200 тыс. рабочих из 500 тыс. рабочих, остальные шли за Гоминданом".

Заслуживает внимания и такое высказывание Мао Цзе-дуна: "Китайские крестьяне сознательнее всех американских рабочих и многих английских рабочих".

III. Руководствуясь указаниями ЦК, я уговаривал Мао Цзе-дун не откладывая образование революционного правительства Китая, создать его быстро на базе коалиции, что будет выгодно. Скажем, сразу после занятия Нанкина или ^{или} ~~или~~ ^{или} ~~или~~ объявить о создании нового революционного правительства. Это было выгодно и в международном отношении — после этого коммунисты действовали бы уже не как партизаны, а как правительство и это облегчило бы дальнейшую борьбу с Чан Кай-ши.

Мао Цзе-дун считал, что не следует торопиться с созданием правительства, говорил даже, что им выгоднее жить без правительства. Если, мол, будет правительство, то будет коалиция, значит, и перед другими партиями нужно будет держать ответ за свои дела, что несет сложность. Пока же они действовали как революционный комитет, независимый от партий, хотя и поддерживали связь с другими партиями. Это, утверждал Мао Цзе-дун, поможет очистить страну от контрреволюционных элементов. Он упорствовал в этом деле, доказывал, что правительству надо организовать не сразу после взятия Нанкина /предполагалось в апреле/, а лишь в июне или июле. Я же настаивал на том, что лишняя оттяжка образования правительства ослабляет силы революции.

Как известно правительство было образовано 30 сентября.

IV. О Порт-Артуре. Мао Цзе-дун рассказал, что к нему приходила одна женщина — буржуазный общественный деятель и поставила вопрос о том, что когда революционное правительство придет в Китае к власти, то Советскому Союзу уже не будет смысла сохранить военно-морскую базу в Порт-Артуре и что для Китая получить обратно эту базу будет великим делом.

Мао Цзе-дун сказал, что, по его мнению, такая постановка вопроса неправильна, эта женщина не понимает политики, что в Китае кому — нисти и в Советском Союзе коммунисты, но это не исключает, а вполне допускает, чтобы осталась советская база в Порт-Артуре. Поэтому они, китайские коммунисты, стоят за то, чтобы эта база сохранилась. Американский империализм сидит в Китае для умиротворения, а Советский Союз сидит в Порт-Артуре для защиты от японского милитаризма. Когда Китай настолько окрепнет, что будет в состоянии защищаться от японской агрессии, тогда СССР сам не будет нуждаться в базе в Порт-Артуре.

Наш ЦК и Сталин имели иной подход к этому вопросу: не нужно иметь там базу, если правительство в Китае будет коммунистическим. Я изложил китайским товарищам эту позицию. Получив мое сообщение о китайской позиции в этом вопросе, Сталин писал в телеграмме для Мао Цзе-дуна 5 февраля 1949 года:

"... С приходом к власти китайских коммунистов обстановка изменится в юрне. У Советского правительства имеется решение отменить этот неравный договор и увести свои войска из Порт-Артура, как только будет заключен мир с Японией и, следовательно, американские войска уйдут из Японии. Однако, если Компартия Китая сочтет целесообразным немедленный вывод советских войска из Порт-Артурского района, то Советский Союз, будет готов исполнить это пожелание КПК".

Мао Цзе-дун настаивал на своем, но видно было, что у него какие-то свои тактические соображения, которые он не раскрывал.

V. О Синьцзяне. Этот вопрос также представляет интерес. У Мао Цзе-дуна были подозрения в отношении наших намерений в Синьцзяне. Он говорил о том, что в Илийском округе Синьцзяна существует движение независимости, которое не подчиняется урумчинскому правительству и что там существует коммунистическая партия. Рассказывал, что когда он в 1945 году встречался с Бай Чун-си в Чунцине, тот передал, что в Илийском округе местные повстанцы располагают артиллерией, танками и самолетами советского производства.

Я ему четко заявил, что мы не стоим за движение независимости синьцзянских народностей и, тем более, не имеем никаких притязаний на синьцзянскую территорию, считая, что Синьцзян входит и должен входить в состав Китая.

Мао Цзе-дун внес предложение о постройке железной дороги между Китаем и СССР через Синьцзян. Чень Би-ши, в качестве варианта, предложил построить такую дорогу через Монголию. Позже, когда обсуждался этот вопрос в Москве, Сталин высказался за то, чтобы строить дорогу через Монголию, поскольку путь юроче и строительству дешевле, а во вторую очередь строить дорогу через Синьцзян.

VI. О Монголии. Мао Цзе-дун по своей инициативе спросил, как мы относимся к объединению Внешней и Внутренней Монголии. Я ответил, что мы такое объединение не поддерживаем, так как оно привело бы к потере значительной территории Китая. Мао Цзе-дун сказал - он считает, что Внешняя и Внутренняя Монголия могли бы объединиться и войти в состав Китайской республики. На это я ему заявил, что это

невозможно потому, что Монгольская народная республика давно пользуется независимостью. После победы над Японией и китайское государство признало независимость Внешней Монголии. МНР имеет свою армию, свою культуру, быстро идет по пути культурного и хозяйственного развития, она давно поняла вкус независимости и вряд ли когда-нибудь добровольно от независимости откажется. Если она когда-нибудь и объединится с Внутренней Монголией, то в результате наверняка образуется объединенная независимая Монголия. Присутствовавший на беседе Хень Би-ши подал при этом реплику, что во Внутренней Монголии три миллиона населения, а во Внешней Монголии — один миллион. В связи с этой моей информацией Сталин прислал мне телеграмму для ознакомления Мао Цзе-дуна, в которой указывалось:

"Руководители Внешней Монголии стоят за объединение всех монгольских районов Китая с Внешней Монголией под знаком независимости объединенного монгольского государства. Советское правительство высказывается против этого плана, так как он означает отрыв от Китая ряда районов, хотя этот план и не угрожает интересам Советского Союза. Мы не думаем, чтобы Внешняя Монголия пошла на отказ от своей независимости в пользу своей автономии в составе Китайского государства, если даже все монгольские районы будут объединены в автономную единицу. Понятно, что решающее слово в этом деле принадлежит самой Внешней Монголии".

По ознакомлении с этой телеграммой Мао Цзе-дун сказал, что он принимает её к сведению и что "они конечно не защищают велико-китайскую позитивистическую линию и не будут ставить вопрос об объединении Монголии".

УП. О признании будущего революционного правительства другими странами. У Мао Цзе-дуна было два варианта на этот счёт — первый, чтобы иностранные государства и первым СССР сразу признали новое правительство Китая. Второй вариант, которому Мао Цзе-дун явно отдавал предпочтение, заключался в том, чтобы не добиваться немедленно признания нового правительства, а если иностранные правительства заявят о своем желании признать его, то не отвергать, но и согласия пока не давать, продолжая такую тактику примерно в течение одного года. Выгоды второго варианта, гою рили кита йци, заключаются в том, что, имея свободные руки, новое правительство легче может назначать на все иностранные в Китае, не считаясь с протестами иностранных правительств.

Мао Цзе-дун все время говорил, что они, ЦК КПК, ждут указаний и руководства от нашего ЦК. Я ему отвечал, что ЦК нашей партии не может вмешиваться в деятельность ЦК Коммунистической партии Китая. Не может давать никаких указаний, не может руководить Компартией Китая. Каждая из наших партий самостоятельна, мы можем давать только советы, когда нас об этом попросят, но указаний давать не можем.

Мао Цзе-дун упорствовал, заявлял, что ждет указаний и руководства от нашего ЦК, так как у них еще мало опыта, нарочито прикинул свою роль, свое значение как руководителя и как теоретика партии, говорил, что он только ученик Сталина, что он не придает значения своим теоретическим работам, так как ничего нового в марксизм он не внес и проч.

Это, я думаю, восточная манера проявления скромности, но это не соответствует тому, что на деле Мао Цзе-дун собой представляет и что он о себе думает.

В подтверждение сказанного выше приведу некоторые выдержки из имевших тогда мест бесед с Мао Цзе-дуном. Уже во время первой беседы он заявил:

"Прошу учесть, что Китай сильно отстал от России, мы слабые марксисты, делаем много ошибок, и если к нашей работе подходить с меркой России, то окажется, что у нас ничего нет".

Я ответил, что "эти слова, возможно, свидетельствуют о скромности лидеров ЦК КПК, но с ними трудно согласиться. Нельзя 20 лет руководить гражданской войной в Китае, привести ее к такой победе, будучи слабыми марксистами. Что касается ошибок, то они бывают у всех активно действующих партий". И наша партия совершает ошибки, но она твердо держится правила беспощадно вскрывать свои ошибки, чтобы их не повторять и учиться на них. Мао Цзе-дун добавил, что ошибки они совершают честно и исправляют честно и привел пример. В 1946 году ЦК КПК совершил ошибку в проведении земельной реформы. Когда стали разбираться, оказалось, что еще в 1933 году о земельной реформе им было написано совершенно правильно, о чем забыли в 1946 году. Если бы снова в 1946 году это прочитали, этих ошибок не совершили бы. Они вновь перепечатали в 1946 году то, что было написано о земельной реформе в 1933 году и открыто объявили крестьянам

об этой своей ошибке, взяв на себя всю ответственность за ошибки, ибо руководство отвечает за ошибки низовых работников, хотя само руководство этих ошибок не совершило.

Я заметил, что нельзя соглашаться с утверждением Мао Цзе-дуна о том, что если подойти к китайской революции с российской меркой, то окажется — ничего нет:

Во-первых, китайская революция представляет из себя великое историческое событие, во вторых, было бы неправильно применять российскую мерку без учета той конкретной действительности, в которой протекает революция в Китае.

Как бы в подтверждение этого, Мао Цзе-дун сказал, что КПК в 1936 году в советских районах проявила догматизм, копируя советские методы, что привело тогда к серьезному поражению".

Далее Мао Цзе-дун заявил, что "одной из больших задач КПК является марксистское просвещение кадров. Раньше у них считалось, что кадры должны прочитать всю марксистскую литературу. Теперь убедились, что это невозможно, ибо кадры учатся у них, одновременно ведя большую практическую работу. Поэтому они решили обязать свои кадры прочитать двенадцать марксистских произведений. Перечислив эти произведения /Манифест. От утопии к науке. Государство и революция. Вопросы ленинизма и другие/ он не назвал ни одного китайского марксистского произведения.

Я тогда спросил Мао Цзе-дуна, считает ли он правильным, что в списке 12 книг для партпросвещения кадров КПК нет ни одного произведения лидеров КПК, теоретически освещающего опыт китайской революции.

Мао Цзе-дун ответил, что он, как лидер партии, ничего нового не внес в марксизм-ленинизм и не может себя ставить в один ряд с Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным.

Подняв бокал за здоровье товарища Сталина, он подчеркнул, что в основе теперешних побед китайской революции лежит учение Ленина-Сталина и что Сталин не только учитель народов СССР, но и учитель китайского народа и народов всего мира. О себе Мао Цзе-дун сказал, что он ученик Сталина и не придает значения своим теоретическим работам, что они только претворяют в жизнь учение марксизма-ленинизма, ничем его не обогащая.

Более того, он лично послал на места строгую телеграмму, запрещающую называть его фамилию вместе с фамилиями Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, хотя об этом ему приходится спорить со своими ближайшими товарищами.

Я ответил, что это говорит о скромности Мао Цзе-дуна, но с ним нельзя согласиться. Марксизм-ленинизм применяется в Китае не механически, а на основе учета особенностей, конкретных условий Китая. У китайской революции свой путь, давший ей облик антиимпериалистической революции. Поэтому осуждение опыта КПК не может не представлять теоретической ценности, не может не обогатить марксистскую науку. Разве можно отрицать также, что обобщение китайского опыта имеет теоретическую ценность для революционного движения стран Азии. Конечно, нельзя.

Мао Цзе-дун заметил, что у них сильное удивление на особенности Китая велали сторонники Ван Мина для борьбы против линии партии.

На это я ответил, что обычно националистические элементы конкретные исторические особенности своих стран используют для того, чтобы свернуть партию на путь буржуазного перерождения, марксисты же учитывают эти особенности, чтобы по-марксистски-ленински руководить революцией, с чем не стал спорить Мао Цзе-дун".

В моей телеграмме от 5 февраля 1949 года сообщалось, что в одной из бесед Мао Цзе-дун "подчеркнул, что при разработке вопроса о характере китайской революции он основывался на высказываниях товарища Сталина, относящихся к 1927 г. и на его позднейших работах о характере китайской революции."

Мао Цзе-дун сказал, что для него особенно ценным оказались указания товарища Сталина о том, что китайская революция является частью мировой революции, а также критика национализма Сичича из Гюгославии.

Мао Цзе-дун несколько раз подчеркнул, что он является учеником товарища Сталина и держится просветской ориентации."

x

x x

Во время последней беседы, состоявшейся 7 февраля, Мао Цзе-дун выразил удовлетворение проведенным обсуждением важных вопросов и горячо благодарил Сталина за заботу о китайской революции.

Когда я прибыл во Владивосток туда позвонил Поскребышев и по поручению Сталина сообщил, что Политбюро очень довольно проделанной мной работой в Китае. Каждый день на политбюро зачитывались и обсуждались мои телеграммы. Сталин просил поскорее прибыть в Москву и рассказать обо всем поподробнее.

Приехав в Москву я действительно узнал, что Сталин и другие члены Политбюро были довольны и считали, что я хорошо выполнил свою миссию.

Прилагаются тексты моих телеграмм из Сибейлю и полученных мной ответов на них из Москвы.

h)h А. МИКОЯН

"21" сентября 1960 года.

108-АМ